

Александр Ткаченко

Папа и бойцовский клуб

Нужно ли учить мальчиков драться?

Бить или не бить — вот в чем вопрос, с которым рано или поздно сталкивается любой православный родитель, у которого растут мальчики. И речь тут вовсе не о физических наказаниях собственных детей. Так уж устроена мальчишеская жизнь, что утверждать себя в ней приходится иногда через банальную драку.

Здесь для православного папы неизбежно возникает когнитивный диссонанс: с одной стороны, понимаешь, что умение постоять за себя и за других людей, нуждающихся в твоей защите — необходимый навык для будущего мужчины. Но вот приобрести его можно лишь на практике. А как это сделать, не нарушая прямую и вполне однозначную заповедь Господа — если кто ударит тебя по левой щеке, подставь правую? Передо мной эта проблема вставала дважды. Впервые — когда мои мальчишки только пошли в школу, и второй раз — когда им исполнилось лет 15-16. О том, как мы сообща ее решали, я сейчас попробую рассказать.

Примерно через месяц после начала учебного года мой первоклашка Никита подошел и сказал:

- Пап, меня в школе бьют.
- Кто?
- Одноклассники.
- Ну, так дай им сдачи.

И тут произошло то, что я до сих пор вспоминаю со стыдом за свою отцовскую несостоятельность. Никита хлопал ресницами и как-то очень бесхитростно ответил:

— Пап, а я не умею давать сдачи.

Для меня это было шоком. Почему-то мне казалось, будто умение драться у мальчишек

появляется само по себе, просто в процессе жизнедеятельности. Во всяком случае, у меня в детстве это происходило именно так. Но я рос в рабочем квартале, где стычка с разбитыми в кровь носами или драка двор на двор были обычным делом. А мои сыновья до школы жили исключительно в окружении наших приходящих ребят, таких же спокойных, добрых, способных любой конфликт решить мирным путем. И вот пришла пора пожинать плоды такого «закрытого» воспитания. Тут к актуальному разговору подтянулся из соседней комнаты дошкольник Глебушка:

— Да, папа, мы не умеем бить.

Я подставил открытую ладонь и сказал Никите:

— Ну-ка, давай, посмотрим. Бей.

Сын неуверенно ткнул в ладонь плохо сложенным кулаком.

— Это ты толкнул, а нужно ударить. Давай еще.

Никита попробовал еще раз. Результат был примерно тот же. Потом попробовал ударить Глеб. У него тоже ничего не получилось.

— Понятно. Снимайте майки.

Мальчишки с готовностью разделись и вытянулись передо мной, как солдаты на строевом смотре. С первого же взгляда на этот «строй» мне захотелось одновременно заплакать и самому себе набить морду. Почему я не видел этого раньше? Худенькие оба, руки как палочки, кожа словно бы натянута прямо на ребра, мышц не ➤

видно вообще. Только синие жилки просвечивают под выпирающими ключицами.

Когда-то в юности я довольно серьезно занимался самбо и дзюдо, ездил с командой на соревнования. Потом жизнь закрутила совсем в другую сторону, и про спорт я забыл на много лет. Цену этой папиной «забывчивости» моим детям теперь приходилось платить с процентами.

Ну да лучше с опозданием, чем — никогда. И мы немедленно принялись наверстывать упущенное. Я стал показывать сыновьям, как правильно отжиматься, приседать, делать упражнения на растяжку, качать пресс. Нужно было видеть, с каким восторгом они тут же кинулись в эту новую для них стихию. Сами установили себе время тренировок — 2 часа в день. И неукоснительно следовали этому правилу, подгоняя друг друга, если кто-то вдруг решит пофилонить. Через пару месяцев, когда они окрепли, я стал показывать им удары и приемы. Конечно же, по классификации Юрия Шевчука я был скорее типичным «теоретиком кун-фу». Но других тренеров в нашем городке не было.

В этот период мальчишки, быть может, впервые оценили всерьез то, что они есть друг у друга. Это же такое счастье для бойца, когда ему не нужно искать себе спарринг-партнера и можно в любой момент поотрабатывать очередной прием с родным братом, не выходя из дома!

ко компакт-дисков с его песнями (оказалось, что он еще и поет), даже начала изучать китайский язык. Ну и, естественно, мы всей семьей в тот период смотрели фильмы веселого и добродушного каскадера из Гонконга (а куда деваться, если у мамы — хобби?). Оказалось, этот актер и режиссер на удивление щепетилен в нравственных вопросах. Во всех своих киношных маханиях ногами Джеки Чан настолько последовательно старался обличать зло и утверждать добро, что западная кинокритика в ту пору уже привычно вышучивала его за излишнюю дидактичность. Зато для наших мальчишек такое странное сочетание морализма с каратэ-боевиком оказалось настоящей находкой. Мальчишкам ведь всегда нужен герой, на которого хотелось бы быть похожим. А тут вот он, Джеки — бесстрашный, ловкий, сильный и в то же время добрый, честный, смешной. Что-то вроде Д'Артаньяна-Боярского, только без мушкетерских ухлестываний за чужими женщинами и непрерывного пьянства в кадре.

Но главным открытием для ребят стал документальный фильм о том, как Джеки Чан придумывает, готовит и снимает свои трюки. Вернее сказать — тот эпизод, где были показаны тренировки его команды каскадеров. Оказалось, что за всем экранным величием головокружительных прыжков, бросков и ударов стоит обычная ежедневная работа в спортзале — все те же отжимания (правда, у самого Джеки норма для них — 2000 раз за один подход), пресс, растяжка, скакалка и другие прозаичные вещи. Для моих мальчишек эта приоткрытая дверца на каскадерскую кухню изменила все их представления о жизни.

Они вдруг поняли, что если долго и упорно чем-то заниматься, результат обязательно будет. И с детской наивностью поставили себе задачу — стать такими же сильными и ловкими, как Джеки Чан. Спустя год упорных занятий дома они отжимались по 300 раз, неплохо подтягивались, лазали по канату. Ну и, конечно, научились эффектно махать ногами и руками в лучших традициях гонконгского кино-каратэ.

Тогда я еще никак не связывал эти их занятия с заповедью «подставь другую щеку». В моем представлении мальчишеские стычки до определенного возраста и дракой-то назвать нельзя.

Странное хобби мамы

А тут еще наша мама подлила масла в этот пылающий огонь детской любви к спорту. Дело в том, что моя дорогая женушка, многодетная мать, домохозяйка, живущая в сельской местности, — вот эта милая православная женщина вдруг решила, что у нее должно быть хобби. Ну, дело в общем понятное:

жизнь в провинции скучна, найти себе интерес по душе хочется каждому. Станным оказался лишь ее выбор. И даже весьма странным. Потому что наша мама увлеклась творчеством... Джеки Чана. Она выписывала по почте какие-то редкие книги с его биографией, собрала полную коллекцию его фильмов, умудрилась найти где-то несколько

Борис и Глеб спешат на помощь

Тогда я еще никак не связывал эти их занятия с заповедью «подставь другую щеку». В моем представлении мальчишеские стычки до определенного возраста и дракой-то назвать нельзя.

зя — так, обычная возня, как у молодых собак или котят. Тем более что сыновья были неконфликтными по натуре и вовсе не стремились реализовать свои новые навыки для самоутверждения в среде ровесников. Лишь где-то к четвертому классу Глеб со своим другом Борисом стали периодически ввязываться в стычки со школьными хулиганами. Мама Бориса (к слову сказать, тогда — руководитель нашей приходской воскресной школы) после очередного вызова к директору жалобно смотрела мне в глаза и спрашивала:

— Саш, но ведь надо что-то делать с этим?

— Ирина, ты же сама сейчас все слышала.

Они заступились за одноклассниц, девочки это подтвердили. Что тебя не устраивает?

— Ну... можно же было как-то словами все решить. Они же православные, в конце концов.

— Знаешь, Ирин, я себя помню в их возрасте. И точно знаю, что есть в мальчишеской жизни ситуации, которые словами уже не разрулишь. Остается либо пройти мимо, либо драться. Неужели тебя больше устроило, если бы наши ребята прошли мимо?

Ирина вздохнула:

— Нет, конечно. Но все-таки... как-то нехорошо. И главное, имена-то какие у них — Борис и Глеб. Святые страстотерпцы. А тут...

— Да, вот с именами мы как-то не угадали, это точно...

Честно говоря, у меня эти инциденты не вызывали особого беспокойства. Конечно, всякий раз я проводил свое собственное, папское дознание, выслушивал не только Глеба, но и других свидетелей или участников «боя». И никогда не было такого, чтобы драку начал или спровоцировал Глеб.

Однажды он просто вогнал меня в ступор описанием своего очередного поединка. На вопрос о ссадине на щеке он пожал плечами, улыбнулся своей буратиистой улыбкой и повелел следующее:

— Пап, ну это опять Коростылев. Ты же знаешь, ему спокойно не живется. Шли из школы с Борисом. Коростыль со своей компажкой нас догнали, окружили. Борис говорит: «А чего вы толпой-то? Пускай кто-нибудь из вас со мной один на один выйдет. Или вон — с Глебом. Раз такие герои». Ну, Коростылев и решил со мной помахаться. «Только чур, без ног, — говорит. — Деремся только руками».

Я улыбнулся понимающе. Молодец Коростылев, правильно рассуждает, хоть и второгодник. Удар маваши-гери Глеб тогда научился бить

так, что в бою с использованием ног у школьных хулиганов против него не было никаких шансов вообще.

— Ну и что дальше?

— Дальше отошли в сквер. Коростыль на меня кинулся, пару раз попал вскользь. Он же руками вдурную машет, как мельница. А я его на противоходе поймал. Короче, разбил ему нос. Он стоит, рубаха в крови, сопли и слезы по лицу размазывает. Орет: «Давай, продолжаем! Я тебя сейчас сделаю!»

— А ты?

— А что я... Я вижу, что он реально озверел. Тут уже или бить его всерьез, на поражение, или он меня сам искалечит. Здоровый же. И дурной. Я прикинул, посмотрел на него, и говорю: «Слушай, ты сегодня явно не форме. Давай договоримся так: сейчас ты пойдешь домой и приведешь себя в порядок. А продолжим мы с тобой завтра, после уроков. Идет?» Ну и разошлись на этом.

Эта рассудительность в одиннадцатилетнем мальчишке меня тогда и удивила и обрадовала. Я понял, что мой сынулька умеет спокойно соразмерять ответное воздействие даже в такой острой ситуации. Этот навык и у взрослых-то нечасто встречается.

Иллюзии уходят, хулиганье остается

Вот так мы и жили. Но все когда-нибудь кончается. Закончилось и детство у моих ребят. Оглянуться мы с женой не успели, как вихрастые и смешные наши мальчишки вдруг в одночасье превратились в нескладных подростков, нервных, замкнутых, живущих какой-то своей, непонятной нам жизнью.

И здесь у нас начался второй, уже по-настоящему серьезный кризис, связанный с проблемой «бить или не бить».

Давно уже оставлены были и шустрый красавчик Джеки Чан, и многочасовые ежедневные занятия спортом. В какой-то момент сыновья поняли, что, сколько ни занимайся, а Джеки Чаном все равно не станешь. Что ж, утрата детских иллюзий — необходимый элемент взросления...

В общем, иллюзии ушли. А школьное хулиганье осталось.

В подростковом периоде у ребят с этим все гораздо сложнее, чем в детстве. Пара лет разницы в возрасте делает противника недостижимым для симметричного ответа. Тут все влияет — и физическое развитие (между 16 и 14 годами — целая пропасть), и статусный момент — «старшие» неприкосновенны. Но, пожалуй, тяжелей всего переживается какой-то иррациональный животный страх, который обалдуи-старшеклассники умеют внушать ребятам всего-то на пару-тройку лет младше их самих. У нас в школе сложилась разновозрастная гоп-компания, находившая для себя радость в унижении тех, кто в нее не входил. Причем речь не шла об избиениях. Это была сложная многоступенчатая система морального подавления, состоявшая из подзатыльников, оплеух, пинков под зад, оскорблений, публичных «наездов» и множества других мелких

Либо мои сыновья становились изгоями с благочестивой демагогией и сломанным характером, либо учились, получив по правой щеке, спокойно и грамотно бить противника в левую.

пакостей, делавших жизнь невыносимой. Вот у этой шайки и попали под раздачу мои сыновья в самом непростом своем возрасте.

Самое печальное, что многого я тогда просто не знал, а чего-то, возможно, не знаю и до сих пор. Подростки — народ скрытный, особенно там, где речь касается унижений. Помню, однажды случайно увидел, как мой отважный Глебушка, словно партизан в лесу, прячется за деревом прямо перед крыльцом нашего дома. Метрах в тридцати через перекресток шла толпа молодых парней, человек восемь. Это от них мой сын почему-то прятался, боясь, что они увидят его. И как тут быть папе?

Я, конечно, пытался осторожненько спрашивать, выводил на разговор. И в целом картина была понятна. Но как быть дальше, я не знал. Подкараулить обидчиков на подходах к школе и сделать так, чтобы им тоже стало страшно жить? Самое первое желание было именно таким. Слава Богу, у меня хватило ума этого не делать.

В большом городе можно было бы просто сменить школу. Но у нас их всего две, и обе друга стоят в этом отношении.

Когда я все чаще начал слышать от моих мальчишек унылые рассуждения о том, что они-де «прощают» своих обидчиков, потому что те, мол, «не ведают, что творят», то понял, что медлить больше нельзя. Потому что вовсе не христианское благочестие стояло за этими хорошими и правильными словами, а обыкновенная трусость и малодушие.

Сейчас мне очень хотелось бы написать, что я хорошенько все тогда обдумал и нашел универсальный способ, позволяющий совместить в воспитании своих детей мужественность и христианство. Но увы, к сожалению, такого способа я тогда найти не смог.

Несколько лет назад я учил их быть сильными, не бояться боли, бить самим и грамотно уходить от чужих ударов. Короче говоря, я учил их драться. Теперь ситуация изменилась качественно. Драться они уже умели, но боялись своих противников. И мне нужно было решить — принять этот их страх как неизбежную данность или пробудить в них боевой дух и готовность отстаивать свое достоинство, если нужно, то и кулаками. При этом я понимал, что второй вариант прямо противоречит евангельским словам о другой щеке, которую нужно подставить, а также — тем нравственным принципам, о которых они несколько лет подряд слышали на занятиях в воскресной школе.

Я все это понимал, но выбирать приходилось всего из двух вариантов. Либо мои сыновья становились зачуханными изгоями с благочестивой демагогией и со сломанным характером, либо учились, получив по правой щеке, спокойно и грамотно бить противника в левую. Выбор, прямо скажем, небогатый...

Всё, пацаны, детство кончилось

И вдруг выяснилось, что я в очередной раз опоздал. Пока я был занят этими своими отцовскими размышлениями, мальчишки тоже не сидели сложа руки. И все уже решили сами. Посмотрев фильм «Бойцовский клуб», они сделали из него довольно странные выводы. Вечерами они с еще тремя-четырьмя ребятами из нашей же воскресной школы собирались в лесу за стадионом. Здесь они разбивались на пары и... начинали спарринговать в полный контакт голыми руками без всякой защиты. Или, в переводе на обычный язык — мутузить друг друга, по слову классика «кто — как и чем — во что». В навороченном психоделическом фильме Дэвида Финчера им

приглянулась лишь эта простая идея — чтобы не бояться ударов по лицу, нужно на досуге практиковаться в их нанесении и получении. Чем ребята и занялись со всем усердием. Правда, просуществовал этот их импровизированный «Бойцовский клуб» совсем недолго, поскольку, из этого экзотического опыта мои парни вынесли главную мысль: заниматься рукопашкой нужно всерьез и системно, без диких спаррингов под молодыми березками.

Но как и где? Секций в нашем городишке не было. Лишь в местном спортзале была оборудована «качалка», где всё те же школьные гопники с матерком нагоняли себе мышцу, периодически выбегая на улицу покурить. Поэтому я просто накупил мальчишкам боксерских мешков, перчаток, защитных шлемов и прочего спортивного барахла. И они стали тренироваться дома, благо места у нас для этого — целый сад. А когда ученик готов, как известно, приходит учитель. Сначала их стал тренировать сосед по улице, наш прихожанин, который в юности серьезно занимался боксом. Потом неожиданно появились другие учителя — двое местных парней, служащих в московском ОМОНе, с которыми мои ребята познакомились во время ежедневных пробежек. Регулярные занятия с мастерами, отжимания, пресс, скакалка, работа на мешке, тренировочные бои... Через полтора года такой жизни вместо мотивации сыновей к защите собственного достоинства мне пришлось уже очень серьезно и подолгу объяснять им, почему человек с поставленным ударом не должен бить другого человека в голову или в живот. Говорил я им примерно следующее:

— Всё, пацаны, детство кончилось. Это в десять лет можно было позволить себе выйти помахаться с кем-нибудь. Сейчас вы весите в два раза больше, и удар у вас стал раз в десять сильнее. А вот нос, челюсти, ребра и другие части тела у ваших противников крепче не стали. Вы научились таким ударам, которыми человека запросто можно искалечить и даже убить. А в душе у вас накопилось много обиды и ненависти к тем, кто не давал вам спокойно жить. И если теперь вы вдруг решите поквитаться за те давние унижения, это будет уже не школьная драка, а обычная уголовщина. Поэтому запомните простую, но очень важную вещь: на улице вам больше нельзя бить никого.

Слава Богу, ребята вняли этим моим увещаниям. И когда на моего Глеба напал один из лидеров местного хулиганья, сын не нанес ему ни одного удара. Но тот во время их короткой стычки очень хорошо понял, что драться с Глебом ему больше не следует и что лучше найти себе для самоутверждения объект попроще. Станным образом мальчишки заработали себе авторитет в той же гопакской среде практически без драк. Возможно, причиной тому было несколько их тренировок в спортзале, когда гопники, отвлекшись от своего железа, имели возможность с отвисшими челюстями понаблюдать за их спаррингами и прикинуть, как нехило можно огрести от этих улыбчивых и доброжелательных ребят. Или, может быть, от готовых к драке людей просто идет некая волна уверенности в себе, а у хулиганья очень хороший нюх на такие вещи. Как бы то ни

было, но обижать моих парней никто из местной шпаны уже не решался ни на улице, ни в школе.

Возможно, существуют какие-то другие способы воспитания мужества в мальчишках, не связанные с умением постоять за себя. Я вполне допускаю такое, потому что несколько раз видел несгибаемую силу духа в людях, не обладающих физической силой и боевыми навыками. Как это достигается — Бог весть. С огромным интересом ознакомился бы с этим опытом. У нас же все получилось так, как получилось.

Сами видите, христианских мотивов тут немного. Но это не значит, будто их совсем нет. Ну вот, например, хорошо всем известный эпизод в Гефсиманском саду, когда за Иисусом пришли стражники и Он запретил апостолу Петру защищать Себя при помощи оружия. Казалось бы, прямое указание на недопустимость насилия. Но что же происходит далее? Удивительно, но Иисус говорит, что Он и Сам вполне мог позаботиться о собственной защите, если бы захотел: *...или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?*

Никому не навязываю свою точку зрения, но убежден: подставить другую щеку именно по заповеди, а не по трусости и малодушию, намного проще тому, кто имеет полную возможность ответить ударом на удар. Но не делает этого, спокойно и осознанно, следуя слову Христа. **✠**

Аппликации **Марии Сосниной**

..... реклама

Палехский Иконостас
претворение земного в небесное

www.iconostas.ru iconostas@inbox.ru
8 493 342 28 91